Е. Спекторскій.

Физицизмъ въ общественной философіи XVII вѣка.

Многоуважаемому
Николаю Николаевичу
от автора.

Е. Спекторскій.

Физицизмъ въ общественной философіи XVII вѣка.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1909.

ПОВ. 1955

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *М. Чубинскій.*

(Отдѣльный оттискъ изъ № 2 «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ).

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Физицизмъ въ общественной философіи XVII вѣка.

Є. Спекторскаго.

Семнадцатый вѣкъ представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи гуманитарныхъ знаній. Подъ вліяніемъ перерожденія естествознанія, превращенія его изъ науки схоластической по формѣ и метафизической по содержанію въ математическую физику, дѣлаются попытки соотвѣтственнымъ образомъ преобразовать традиціонныя моральныя и соціальныя понятія и знанія. Попытки эти производятъ рѣзкій и глубокій переворотъ въ общественныхъ наукахъ.

Чтобы оцѣнить этотъ переворотъ во всемъ его радикализмѣ, необходимо имѣть въ виду ту перемѣну міровоззрѣнія, которая сопровождала новое естествознаніе отчасти въ качествѣ его познавательнаго регулятива, отчасти же въ качествѣ вывода изъ его положительныхъ научныхъ пріобрѣтеній. Сущность перемѣны можетъ быть охарактеризована какъ замѣна моральнаго міровоззрѣнія физическимъ. Моральное міровоззрѣніе, освящавшееся авторитетомъ церкви и Аристотеля, состояло въ томъ, что не только человѣческія отношенія, но также и міръ внѣчеловѣческой природы, какъ живой, такъ и мертвой, какъ земной, такъ и небесной, занимали мысль лишь постольку, поскольку вызывали тѣ или иныя соображенія практической морали. Содержаніе же послѣдней опредѣлялось церковнымъ вѣроученіемъ. Средоточіемъ вселенной, такимъ образомъ, считалась церковь. Царство природы разсматривалось или какъ препятствіе, или же, напротивъ, какъ подтвержденіе царства благодати, иначе говоря, съ точки зрѣнія идеи спасенія. Интересъ къ физикѣ, какъ таковой, къ матеріальной природѣ безъ какихъ бы то ни было моральныхъ цѣлей и заключеній

считался если не грѣховнымъ дѣломъ, то праздным любопытствомъ, не достойнымъ серьезнаго философскаго изслѣдованія. Лактанцій называлъ безумцами интересующихся величиною солнца, формою луны, подвижностью или неподвижностью звѣздъ и неба, объемомъ и равновѣсіемъ земли [1]), онъ же недоумѣвалъ, какое блаженство могутъ доставить свѣдѣнія о томъ, откуда вытекаетъ Нилъ [2]). Все физическое оцѣнивалось съ моральной точки зрѣнія, какъ символы или иллюстраціи добродѣтелей или пороковъ. Свинья служила образомъ невоздержности, лилія означала невинность, изумрудъ—вѣру, сапфиръ—надежду и т. д. Подобнаго рода символами наполнялись всѣ средневѣковыя изданія т. н. физіолога и бестіарія. Физическая природа считалась несовершенною, поврежденною. И это объяснялось моральными причинами—грѣхопаденіемъ человѣка, которое повело за собою проклятіе Божіе. Несовершенства природы, какъ вѣрили, въ отдѣльныхъ случаяхъ могли устраняться при посредствѣ сверхъестественнаго моральнаго акта или чуда. Такой взглядъ, конечно, исключалъ неизмѣнную закономѣрность физическаго міра. Нерушимымъ считался собственно только нравственный законъ, отъ имени Бога предписывающій людямъ то или иное поведеніе. Что же касается порядка физическаго міра, его естественной закономѣрности, то все еще господствовалъ взглядъ, столь рѣзко выраженный въ книгахъ Ветхаго Завѣта и обусловливавшій ее соблюденіемъ людьми нравственнаго закона: если они слѣдуютъ ему, то въ награду за это дни и ночи, времена года регулярно смѣняются, не прерываясь никакими катастрофами въ родѣ потопа; если они его нарушаютъ, то въ наказаніе за это ниспосылаются гладъ, потопъ, трусъ и т. п. происшествія.

Моральное міровоззрѣніе вводило въ физику антропоморфизмъ, телеологизмъ и іерархизмъ. Антропоморфизмъ проявлялся въ томъ, что не только поступки людей разсматривались, какъ послѣдствія воли, намѣреній, вообще душевныхъ актовъ, но и подъ предметы и явленія

[1]) Migne, Patrologia latina, VI, 355: Divinarum institutionum Lib. III (de falsa sapientia philosophorum), Cap. III.

[2]) Тамъ же, 369.

неодушевленнаго міра подставлялись тѣ или иные душевные и духовные факторы: жизненные духи, духъ-руководитель (spiritus rector—своего рода ангелъ хранитель физическихъ вещей) и т. д. Это представленіе было до того обычно и казалось до того естественнымъ, что еще Декартъ, не смотря на весь свой раціонализмъ, приписывалъ процессы человѣческаго организма какимъ-то жизненнымъ духамъ, а Кеплеръ такъ и не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ вѣры въ одушевленность планетъ. Телеологизмъ проявлялся въ томъ, что весь міръ разсматривался, какъ созданный и существующій для тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ моральныхъ цѣлей. Человѣкъ созданъ для того, чтобы черезъ церковь возсоединиться съ Богомъ и вступить въ жизнь вѣчную. Страсти существуютъ для того, чтобы ихъ укрощать, чтобы человѣкъ имѣлъ возможность достойно пользоваться своею свободою и, съ помощью благодати, совершенствоваться въ добродѣтели. Все, что существуетъ на землѣ, создано для человѣка, для его пользы, для службы ему—солнце, луна, звѣзды, четыре элемента, птицы, рыбы, животныя, черви, золото, драгоцѣнные камни, пряности, цвѣты, плоды [1]). Но человѣкъ, въ свою очередь, долженъ служить Богу. Онъ не можетъ и не долженъ быть самъ себѣ цѣлью. Вѣнецъ земного творенія, онъ сотворенъ ради высшихъ цѣлей сотворившаго его. Отчасти его фактически ведетъ къ нимъ провидѣніе. Отчасти онъ долженъ самъ итти къ нимъ, надлежащимъ образомъ пользуясь свободою своей воли подъ руководствомъ даннаго свыше нравственнаго закона. Іерархизмъ распредѣлялъ всѣ существа, весь міръ по чинамъ и рангамъ. Начало ему было положено еще Платономъ. Онъ не только выдѣлялъ чистыя идеи изъ чувственныхъ предметовъ и воспріятій. Онъ отдѣлялъ ихъ отъ нихъ и противопоставлялъ ихъ имъ какъ самостоятельныя реальности, и притомъ высшаго порядка. Сообразно съ этимъ онъ и помѣщалъ ихъ въ надміровомъ эмпиреѣ, по отношенію къ которому все земное и мірское было имъ

---

[1]) Der Schwabenspiegel, herausgegeben von F. L. A. Freiherrn von Lassberg, Tübingen, 1840, стр. 3.

объявлено чѣмъ-то чрезвычайно жалкимъ и низменнымъ. Начатое Платономъ дѣло іерархизаціи міра было систематически закончено Аристотелемъ. Онъ отказывался считать человѣка наилучшимъ изъ существъ: есть вещи, объяснялъ онъ, гораздо болѣе божественной природы, и самыя очевидныя изъ нихъ—это небесныя тѣла [1]). Такъ какъ они совершенны то, объяснялъ Аристотель, въ отличіе отъ несовершеннаго движенія земныхъ тѣлъ, падающихъ внизъ или поднимающихся вверхъ, ихъ движеніе происходитъ въ совершенной формѣ круговъ. Даже въ логикѣ отчасти у Аристотеля, отчасти же и главнымъ образомъ у его позднѣйшихъ, особенно средневѣковыхъ истолкователей, отношеніе рода къ виду понималось не столько въ смыслѣ объема, сколько въ смыслѣ іерархіи, не столько въ смыслѣ отношенія цѣлаго къ части, сколько въ смыслѣ отношенія высшаго (summum genus) къ низшему (infima species). Христіанское богословіе съ его ученіемъ о различной славѣ солнца, луны и звѣздъ подкрѣпило и расширило унаслѣдованный отъ античнаго міра іерархизмъ. Діонисій Ареопагитъ составилъ подробную табель о рангахъ чиновъ ангельскихъ. Бл. Августинъ подробно и систематически сочеталъ земную іерархію съ небесною и указалъ всякой твари подобающее мѣсто въ стройномъ порядкѣ мірозданія. Понятія верха и низа имѣли не только физическое, но и моральное значеніе. Все физически высокое считалось также высокимъ морально и все физически низкое считалось также морально низкимъ. Сообразно съ этимъ рай помѣщался наверху, за небесною твердью, и служилъ мѣстомъ высшей реализаціи добра и добрыхъ стремленій. Для зла отводилась преисподняя, подземный міръ. Адъ внизу. Рай наверху. Посредникъ земля и человѣкъ. А надъ всѣмъ высочайшее, верховное существо, именно Богъ. Такова была іерархическая картина средневѣковаго мірозданія.

Моральное міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ пало, не благодаря моральнымъ сомнѣніямъ въ его непреложности, а благодаря новымъ физическимъ открытіямъ, новой

---

[1]) Этика, VI, 7.

физической наукѣ, которая совсѣмъ измѣнила традиціонную картину вселенной и положила начало новому міровоззрѣнію, окончательно обозначившемуся въ XVII столѣтіи и еще донынѣ, въ той или иной формѣ, владѣющему умами большинства теоретиковъ, именно міровоззрѣнію физическому. Полный переворотъ произвело открытіе, что земля вращается вокругъ солнца. Если не земля—центръ міра, то, значитъ, утрачиваютъ значеніе центральныхъ міровыхъ событій грѣхопаденіе прародителей и сошествіе Сына Божія на землю для искупленія рода человѣческаго—иными словами, краеугольные камни средневѣкового моральнаго міровоззрѣнія. Если нѣтъ неподвижнаго неба надъ землею, то, значитъ, нѣтъ также и того сверхнебеснаго міра, съ которымъ вѣрующая мысль связывала столько надеждъ. Если нѣтъ верха, нѣтъ низа, то, значитъ, нѣтъ также ни рая ни ада, по крайней мѣрѣ въ традиціонномъ наивно пространственномъ представленіи. Все это совершенно разрушало схоластически-Аристотелево моральное міровоззрѣніе, помѣщавшее неподвижную землю въ центрѣ вселенной, человѣка—во главѣ земли, надъ землею—рай, подъ землею—адъ, мѣста, которыя, напримѣръ, Данте описывалъ съ такими интересными подробностями. Все это естественно вело за собою отказъ отъ антропоморфизма, телеологизма и іерархизма при объясненіи физической природы.

Все антропоморфное было безжалостно изгнано изъ природы. Она была обездушена:

Fühllos selbst für ihres Künstlers Ehre,
Gleich dem toten Schlag der Pendeluhr,
Dient sie knechtisch dem Gesetz der Schwere,
Die entgötterte Natur.

Дѣйствіе духовъ и иныхъ сверхъестественныхъ факторовъ на предметы было замѣнено естественными законами механики. Изгнано было также и все телеологическое. Цѣли въ природѣ, causae finales, были объявлены безплодными, подобно дѣвамъ посвященнымъ Богу. Vere scire est per causas scire. Настоящимъ знаніемъ было объявлено знаніе причинъ. При этомъ причины понимались уже не столько въ прежнемъ моральн-

номъ и вообще антропоморфическомъ смыслѣ причиненія [1]), сколько въ смыслѣ естественно-необходимой связи вещей и явленій, сводившейся въ конечномъ итогѣ къ математическимъ функціямъ, къ естественнымъ законамъ, т. е. къ постояннымъ математическимъ отношеніямъ между точно опредѣленными величинами при повтореніи однихъ и тѣхъ же пространственныхъ процессовъ. Наконецъ, изгнано было также и все іерархическое. Въ аналогичномъ маятнику біеніи человѣческаго пульса, въ кровообращеніи, въ сокращеніи мускуловъ, въ дыханіи обнаружилось сходство и даже тождество считавшагося высшимъ устройства человѣческаго организма съ организаціею будто бы низшей неодушевленной природы. Въ этой природѣ, въ свою очередь, отвергли традиціонное превосходство легкихъ тѣлъ передъ тяжелыми, превосходство тѣлъ, поднимающихся вверхъ, какъ, напримѣръ, дымъ или паръ, передъ тѣлами, падающими внизъ, какъ, напримѣръ, камни. Болѣе того, стали утверждать, что между обоими родами движенія, считавшимися, по Аристотелю, несовершенными, и совершеннымъ—круговымъ, какъ до тѣхъ поръ предполагали,—движеніемъ небесныхъ свѣтилъ нѣтъ никакой разницы. Шли еще дальше и утверждали, что и неба-то, собственно говоря, нѣтъ, т. е. нѣтъ надземной хрустальной сферы, а есть безконечный міръ, нигдѣ и ничѣмъ неограниченный. Значитъ, или совсѣмъ нѣтъ неба, или же, напротивъ, небо находится повсюду. Сообразно съ этимъ и земля, съ одной стороны, унижалась, ибо она лишалась значенія центра вселенной, съ другой же, воз-

[1]) Впрочемъ физика XVII вѣка не могла совсѣмъ обойтись безъ такого пониманія причинности. Дѣло въ томъ, что дѣйствіе тѣлъ другъ на друга она объясняла толчками, понимавшимися по аналогіи съ нашими мускульными движеніями. Дѣйствія тѣлъ другъ на друга на разстояніи, безъ толчковъ, она не могла себѣ представить—по крайней мѣрѣ, пока не появился Ньютонъ. Такъ какъ необходимымъ условіемъ для приведенія системы тѣлъ въ движеніе считался толчокъ, то для того, чтобы объяснить, почему весь нашъ міръ находится въ движеніи, Декартъ прибѣгъ, какъ выразился Паскаль, къ щелчку, данному ему Богомъ. Подобнымъ же образомъ и Лейбницъ понимавшій собственно чисто логическій принципъ достаточнаго основанія по отношенію къ физическому міру какъ принципъ причинности, завершалъ цѣпь причинъ Богомъ, какъ послѣднимъ въ порядкѣ нашего регрессивнаго изслѣдованія и первымъ въ порядкѣ объективнаго причиненія факторомъ того, что совершается въ природѣ.

вышалась, ибо и она оказывалась однимъ изъ небесныхъ тѣлъ. Во всякомъ случаѣ она выбивалась изъ своей прочной іерархической позиціи. И вообще вмѣсто космической іерархіи водворялась какая-то всемірная анархія. Впрочемъ анархія была только кажущаяся: новое физическое міровоззрѣніе подчиняло весь міръ строгимъ законамъ, о неисполненіи которыхъ, въ отличіе отъ нравственныхъ законовъ, не могло быть и рѣчи. Благодаря этимъ законамъ все въ природѣ совершается съ необходимостью. Но необходимость эта уже не имѣла ничего общаго съ прежнею моральною необходимостью, въ родѣ необходимости Платонова «Тимея», которая склоняется передъ аргументами высшаго разума и дѣйствуетъ сообразно съ его указаніями. Это была необходимость естественныхъ механическихъ процессовъ, чуждыхъ какъ цѣли, такъ и вообще какого бы то ни было моральнаго смысла.

Всѣ эти нововведенія совершенно разстраивали традиціонное міровоззрѣніе. Противъ нихъ можно было протестовать во имя привычной вѣры, во имя безкорыстной привязанности къ ней или же интересовъ, съ нею связанныхъ. Но во имя разума противъ новой науки трудно было протестовать: она строго, математически доказывала свои положенія, и они блестяще подтверждались на опытѣ. Ея шествіе было побѣдоносно. Очевидно было, что книга природы дѣйствительно раскрывается передъ пытливыми умами изслѣдователей и что настоящая физическая наука начинается только теперь.

Новое научное движеніе не могло не коснуться также и моралистовъ, юристовъ и публицистовъ этого вѣка, по крайней мѣрѣ наиболѣе чуткихъ, отзывчивыхъ и широко образованныхъ среди нихъ. Видя, что въ физикѣ традиціонныя представленія смѣло и побѣдоносно ломались и отбрасывались прочь, какъ донаучная схоластика и метафизика, они не могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ въ прежнемъ духѣ и по прежнему способу. Они не могли, какъ хорошо понималъ Гоббесъ, считать хотя бы столь важный въ то время вопросъ о монархической власти дѣйствительно изслѣдованнымъ и объясненнымъ при посредствѣ обычныхъ до тѣхъ

поръ соображеній о томъ, что «міръ управляется единымъ Богомъ; древніе предпочитали монархическій строй всякому другому, подчиняя управленіе боговъ одному Юпитеру; въ началѣ міра и всѣхъ народовъ мнѣнія правителей считались законами; власть родительская была установлена Богомъ на подобіе монархической; другія правительства возникли изъ монархіи; народъ Божій былъ во власти царей». Они считали себя обязанными стать въ просвѣщеніи съ вѣкомъ наравнѣ, не отстать отъ его научныхъ завоеваній и примѣнительно къ нимъ преобразовать свои спеціальныя изслѣдованія своихъ спеціальныхъ проблемъ. Нѣчто аналогичное во второй половинѣ XIX вѣка вызвалъ дарвинизмъ, а въ настоящее время начинаетъ вызывать энергетизмъ.

Новыя или, по крайней мѣрѣ, преобразованныя науки должны были стать естественными науками, причемъ естественность понималась какъ въ смыслѣ отсутствія всего сверхъестественнаго, такъ и въ смыслѣ аналогіи съ физикою, съ естествознаніемъ. Значитъ, должны были возникнуть естественная мораль, естественное право, естественная политика и даже, какъ надѣялись нѣкоторые теоретики, естественная теологія. Предпріятіе смѣлое и новое—вдвойнѣ новое, потому что и физика, т. е. та наука, которая должна была быть образцомъ, сама только недавно зародилась: physica ergo res novitia est, sed philosophia civilis multo adhuc magis, объяснялъ ~~Лейбницъ~~. [1]) Гоббсъ
Для того, чтобы уподобиться новому естествознанію, стали стараться такъ же относиться къ психическому и моральному міру, какъ оно относилось къ физическому міру. Сообразно съ этимъ, если оно изгоняло изъ физики моральное міровоззрѣніе, старались и изъ морали изгнать моральное міровоззрѣніе и по возможности водворить на его мѣсто физическое міровоззрѣніе. Изъ морали также старались изгнать антропоморфизмъ, телеологизмъ и іерархизмъ.

Если дѣйствительно неумѣстно было предполагать, какъ это дѣлали въ средніе вѣка, что подъ каждымъ физическимъ тѣломъ скрывается оживляющій и движущій

---

[1]) Elementorum philosophiae sectio prima. De corpore. Epistola dedicatoria.

его духъ, то было бы вполнѣ естественно видѣть въ душевныхъ актахъ человѣка проявленія человѣческой души. Но такъ какъ физика знала только тѣла или вещи, то и человѣка старались разсматривать не столько морально, какъ лицо, или же психологически, какъ одушевленное существо, сколько физически, какъ тѣло, вещь. Сообразно съ этимъ Спиноза опредѣлялъ, напримѣръ, ревность и любовь, какъ извѣстное отношеніе къ «вещи»[1]). Подъ вліяніемъ мысли Эргарда Вейгеля объ универсальной «пантометріи»[2]) Пуффендорфъ внесъ въ естественное право ученіе о моральномъ пространствѣ и моральныхъ тѣлахъ[3]).

Вслѣдъ за антропоморфизмомъ изгонялся телеологизмъ. Во-первыхъ, стали отвергать существованіе какихъ бы то ни было трансцендентныхъ цѣлей. Всѣ предразсудки, существующіе на свѣтѣ, увѣрялъ Спиноза, вытекаютъ изъ одного предразсудка, именно изъ предположенія людей, что «всѣ естественныя вещи, подобно имъ самимъ, дѣйствуютъ ради цѣли»[4]). Особенно возмущало его предположеніе, что все существуетъ ради цѣли добра. «Я признаюсь—писалъ онъ,—что мнѣніе, которое подчиняетъ все какой-то безразличной волѣ Бога и полагаетъ, что все зависитъ отъ Его благоусмотрѣнія, менѣе уклоняется отъ истины, чѣмъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Богъ дѣлаетъ все ради добра»[5]). Во-вторыхъ, шли еще дальше и отрицали даже у человѣка то, о чемъ, повидимому, свидѣтельствуетъ намъ опытъ ежедневной жизни, именно способность задавать себѣ извѣстныя цѣли

---

[1]) Ethica, III, Propositio XXXV, Scholium: Odium erga rem amatam Invidiae junctum; Propositio XXXIII: rem nobis similem amamus.

[2]) Erhardi Weigelii, Idea Matheseos Universae, Jenae, 1669, Cap. VII, § 1, стр. 33.

[3]) Elementorum jurisprudentiae universalis libri II, Hagae-Comitiis, 1660. Lib. I, Difiniiio III, § 1: Status dicitur ens suppositivum, quia rebus moralibus positivis velut substernitur, ut in eo suam, quam habent, moralem existentiam quasi ponant, et actiones suas atque effectus exserant. Atque ita analogiam quandam habet cum spatio, quod itidem rebus naturalibus velut supponitur, ut in eo suam, quam habent, naturalem existentiam ponant, et motus suos physicos exerceant. § 2: Dividi autem potest status ad analogiam spatii in Ubicativum et Quandicativum. См. еще De jure naturae et gentium libri octo, Londini Scanorum, 1672, Cap. I, § 12: Entia moralia, quae ad analogiam Substantiarum concipiuntur.

[4]) Ethica, I, Appendix.

[5]) Ethica, I, Propositio XXXIII, Scholium II.

и болѣе или менѣе успѣшно осуществлять ихъ. Не цѣлями опредѣляются поступки людей, а причинами. «Въ душѣ—объяснялъ Спиноза—нѣтъ совсѣмъ абсолютной или свободной воли: душа къ желанію того или другого опредѣляется причиною, которая въ свою очередь опредѣляется другою причиною, а эта опять иною, и такъ въ безконечность» [1]). Какъ пренебрежительно объяснялъ Гоббесъ, только въ древней этикѣ были умѣстны разсужденія о высшей цѣли человѣческой жизни» [2]).

Наконецъ, изгонялся іерархизмъ. «Тѣла—училъ Спиноза—различаются другъ отъ друга по движенію и покою, скорости и замедленію, но не по субстанціи» [3]). Значитъ, и у людей различны могутъ быть только тѣ или иныя душевныя движенія. Но душа ихъ или ихъ природа по существу совершенно одинакова. Это—человѣческая природа вообще, безъ какихъ бы то ни было іерархическихъ различій.

Благодаря такому распространенію физическаго міросозерцанія на психическій и моральный міръ всѣ основныя предпосылки старой этики, собственно говоря, должны были отпасть. Эти предпосылки можно свести къ четыремъ. Во-первыхъ, наличность Бога, какъ источника нравственныхъ предписаній и нормъ. Такъ какъ новая физика, въ отличіе отъ старой, отказывалась на каждомъ шагу прибѣгать къ сверхъестественнымъ моментамъ, то и новая моральная наука должна была обойтись безъ Бога. Вотъ почему, напримѣръ, Гуго Гроцій исключилъ Бога изъ естественнаго права. Вотъ почему Спиноза слилъ Бога съ природою и тѣмъ лишилъ Его самостоятельнаго бытія. Вотъ почему и Лейбницъ утверждалъ, что юрисконсультъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и математикъ, можетъ быть атеистомъ. Во-вторыхъ, наличность нравственнаго идеала, какъ цѣли, къ осуществленію которой ведутъ эти нормы. Такъ какъ новое естествознаніе отрицало противоположность неба и земли, совершеннаго и несовершеннаго, такъ какъ оно учило, что все небесное осуществляется также и на землѣ и,

---

[1]) Ethica, II, Propositio XLVIII.
[2]) Leviathan, Cap. XI.
[3]) Ethica, II, Lemma I.

наоборотъ, все земное встрѣчается также и на небѣ, то и новая моральная наука отказалась отъ традиціонной противоположности между идеаломъ и дѣйствительностью, между совершенствомъ перваго и несовершенствомъ послѣдней: «подъ реальностью и совершенствомъ я понимаю то же самое», объявилъ Спиноза [1]). Въ-третьихъ, наличность у человѣка свободной воли, какъ возможности слѣдовать этимъ нормамъ и осуществлять ихъ. Новая физика учила, что въ природѣ все происходитъ въ силу естественной необходимости. Сообразно съ этимъ и новая моральная наука стала утверждать, что люди—это духовные автоматы [2]), что ихъ поступки вызываются естественною необходимостью и что человѣческая свобода равнозначна свободѣ камня, приведеннаго въ движеніе по законамъ механики и воображающаго, что онъ движется по собственному побужденію (сравненіе Спинозы), или же свободѣ волчка, находящагося въ такомъ же положеніи (сравненіе Гоббеса). Наконецъ, въ-четвертыхъ, санкція нравственныхъ нормъ въ видѣ наградъ и наказаній, земныхъ или загробныхъ. По аналогіи съ новою физикою, видѣвшею въ природѣ цѣпь причинъ и слѣдствій, стали разсматривать и моральный міръ каузально: вмѣсто наградъ или наказаній поступки людей влекутъ за собою свои естественныя послѣдствія; и, значитъ, какъ пришлось констатировать Шекспирову Лиру, нѣтъ болѣе виноватыхъ.

Съ отказомъ отъ четырехъ приведенныхъ предпосылокъ старая этика должна была измѣниться или, вѣрнѣе, совершенно исчезнуть. Изъ трансцендентальной она превращалась въ имманентную, изъ деонтологической—въ онтологическую, изъ нормативной—въ психологическую. Психологія же, въ свою очередь, должна была стать физикою человѣческой души. Гоббесъ, какъ онъ самъ сообщилъ въ своей стихотворной автобіографіи, сталъ считаться философомъ только съ того времени,

---

[1]) Ethica II, Definitio VI.

[2]) Превосходство новой науки передъ древнею Спиноза между прочимъ видѣлъ въ томъ,, что она разсматривала animam secundum certas leges agentem, et quasi aliquod automa spirituale (Tractatus de intellectus emendatione. Opera, recognoverunt J. van Vloten et J. P. N. Land. Vol. I, Hagae comitum, 1882, стр. 29).

когда онъ заинтересовался физическою проблемою движенія [1]), т. е. тою именно проблемою, которою, какъ онъ объяснилъ въ другомъ мѣстѣ, Галилей открылъ дверь универсальной физикѣ [2]).

Такимъ образомъ для тѣхъ теоретиковъ XVII вѣка, которые стремились реформировать науки о личной и публичной жизни человѣка въ духѣ времени, возникла задача построенія физики индивидуальнаго и соціальнаго поведенія человѣка. Для того, чтобы построить ее, надлежало или признать объекты психическаго и моральнаго міра такими же физическими объектами, какъ и пространственныя тѣла, и просто включить ихъ въ общую физику въ качествѣ одной изъ ея частностей и подробностей (по этому пути пошли матеріалисты, и это завело ихъ въ дебри метафизики), или же, признавая и сохраняя своеобразіе психическихъ и моральныхъ объектовъ, примѣнить къ нимъ физическую методу въ томъ видѣ, въ какомъ тогдашнею теоріею познанія она была возведена на высоту научной логики вообще и методологіи всякаго дѣйствительно научнаго познанія. Такъ именно и поступили тѣ реформаторы моральной философіи въ XVII вѣкѣ, которыхъ мы имѣемъ въ виду. Въ осуществленіи своихъ задачъ они слѣдовали раціоналистической методѣ. И въ этомъ обыкновенно видятъ доказательство ихъ дурного вкуса, ихъ непониманія настоящей научности, ихъ тяготѣнія къ метафизикѣ. Но при этомъ обыкновенно упускаютъ изъ виду, что совершенно такова же была и метода тогдашняго естествознанія. Если до того времени раціонализмъ представлялъ не болѣе какъ методологическую мечту, переходившую въ схоластику при попыткахъ осуществить ее на дѣлѣ, если впослѣдствіи, главнымъ образомъ въ нѣмецкихъ философскихъ системахъ первой четверти XIX вѣка, онъ оказался уже отсталымъ орудіемъ мысли, пригоднымъ лишь для спекулятивной метафизики, то въ ту эпоху онъ былъ

---

[1]) Hic ego Mersennum novi, communico et illi
De rerum motu quae meditatus eram.
Is probat et multis commendat; tempore ab illo
Inter philosophos et numerabar ego.
(Opera, edit. Molesworth, Vol. I, XC).

[2]) De Corpore. Epistola dedicatoria.

самымъ могущественнымъ средствомъ проникновенія въ книгу природы и чтенія ея самыхъ сокровенныхъ тайнъ. Методика раціонализма была методикою механики. И методика раціональной психологіи и соціологіи XVII вѣка была лишь логическою аналогіею этой методики.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія методологіи и теоріи познанія, новое математическое естествознаніе было замѣчательно тѣмъ, что оно разрѣшало одну изъ наиболѣе рѣзкихъ антиномій научной философіи, именно различіе и даже противоположность реальности и достовѣрности, факта и доказательства, эмпиризма и раціонализма. Законы механики выводились путемъ дедукціи, путемъ доказательства, раціоналистическимъ путемъ: такъ именно рѣшалъ, напримѣръ, Галилей проблему ускоренія движущихся тѣлъ. И тѣмъ не менѣе механика настолько подтверждалась эмпирически, что Кирхгофъ могъ впослѣдствіи съ полнымъ основаніемъ называть ее не болѣе, какъ описательною наукою. Астрономія, въ отличіе отъ прежняго эмпирическаго звѣздочетства, выводила a priori свои положенія (въ родѣ вращенія земли вокругъ оси) и за письменнымъ столомъ, такъ сказать, обернувшись спиною къ своду небесному, безошибочно опредѣляла положеніе на немъ свѣтилъ. Путемъ умозрѣнія и умозаключенія она открыла новое небо и новую землю. И оказалось, что именно эта новая вселенная, выведенная путемъ дедукціи, дѣйствительно реальна и что именно она составляетъ дѣйствительную сущность того даннаго нашему чувственному воспріятію мірозданія, о которомъ до тѣхъ поръ разсуждали такъ запутанно и невѣрно фактически, потому что основывались на одной эмпирической видимости явленій. Значитъ, устранялась пропасть и противоположность между чистыми идеями разума и матеріальною дѣйствительностью конкретнаго міра. Еще большимъ методологическимъ тріумфомъ была открытая Декартомъ аналитическая геометрія, дававшая возможность непосредственно переводить чистую математическую мысль въ пространственныя фигуры и, наоборотъ, пространственныя фигуры въ чистую математическую мысль. А такъ какъ для тогдашняго естествознанія пространствомъ и движеніемъ, безъ необходимости или, по

крайней мѣрѣ, потребности прибѣгать къ силѣ и матеріи, исчерпывался весь физическій міръ или, по крайней мѣрѣ, тотъ его, если можно такъ выразиться, геометрическій скелетъ, который прежде всего было необходимо познать, то, значитъ, при посредствѣ чистаго воззрѣнія, чистой интуиціи была совершенно устранена та пропасть между идеями и матеріальнымъ міромъ, которая со временъ Платона такъ озадачивала философовъ. Благодаря всему этому, новое естествознаніе, оставаясь строго положительною наукою, могло дать поводъ и матеріалъ для Кантовой «Критики чистаго разума», т. е. теоріи познанія физическаго міра раціоналистическимъ путемъ. Такимъ образомъ въ естествознаніи XVII вѣка, которому подражали тогдашніе обществовѣды, раціоналистическая метода служила, и притомъ весьма успѣшно, средствомъ для осуществленія вполнѣ положительныхъ познавательныхъ цѣлей.

Если эмпирическій матеріальный міръ сводился къ чистымъ идеямъ, то для идей въ свою очередь была найдена достойная форма выраженія въ математикѣ, этой, какъ выразился Кантъ, гордости человѣческаго разума. Уже Платонъ училъ, что настоящее знаніе природы есть знаніе математическое или ему аналогичное. И никто, не знавшій геометріи, не могъ входить въ его академію. Однако это вовсе не значило, что изъ нея выходили съ дѣйствительно математическимъ знаніемъ природы. Изъ нея выносили только сознаніе необходимости такого знанія и чувство безсилія, неудовлетворенности по поводу его отсутствія и неумѣнія создать его. Таково же было настроеніе ученыхъ и философовъ эпохи возрожденія. Нѣтъ ничего достовѣрнаго въ нашей наукѣ, кромѣ нашей математики, но и она представляется загадочною для уловленія твореній Бога, сокрушался, напримѣръ, Николай Кузанскій [1]). Безъ математическихъ

[1]) Omne autem, quod non cadit sub multitudine aut magnitudine, non potest nec concipi nec imaginari, nec de eo phantasma fieri, sic nec precise intelligi. Oportet enim omnem intelligentem, phantasmata speculari, ideo de his potius quia est, quam quid est attingitur. Si igitur recte consideraverimus, nihil certi habemus in nostra scientia, nisi nostram mathematicam, et illa est aenigma, ad venationen operum Dei (Dialogus de Possest. Opera, Basileae, 1565, стр. 259).

доказательствъ я слѣпъ, жаловался Кеплеръ въ періодъ своихъ исканій. Какимъ же образомъ съ ихъ помощью можно стать зрячимъ, можно при ихъ посредствѣ созерцать матеріальный міръ? Это возможно при условіи созерцанія въ немъ не его болѣе или менѣе таинственныхъ и во всякомъ случаѣ проблематическихъ субстанцій, а его математическихъ отношеній, при условіи замѣны математическими функціями тѣлесныхъ предметовъ и ихъ названій, которыя до тѣхъ поръ такъ тщательно распредѣлялись схоластикою по родамъ и видамъ. Уже александрійскіе ученые замѣнили физическое изученіе неба изслѣдованіемъ его геометрической картины. Новое естествознаніе еще рѣшительнѣе пошло по этому пути. Алфавитомъ для чтенія книги природы оно избрало треугольники и квадраты, круги и шары, конусы и пирамиды. Матерію оно свело къ геометріи: ubi materia, ibi etiam geometria. А геометрію оно, по крайней мѣрѣ въ лицѣ Декарта, который довелъ дѣло раціоналистическаго знанія до его высочайшей вершины, свело къ анализу. Анализъ отвлеченныхъ величинъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ познаніемъ чувственной природы. Какое торжество раціонализма! Впрочемъ для ближайшихъ задачъ познанія физической картины міра въ XVII вѣкѣ было вполнѣ достаточно геометріи. И анализъ представлялъ уже, собственно говоря, лишнюю роскошь, чрезмѣрно изысканную, философскую тонкость, которая для иныхъ изслѣдователей, и притомъ весьма не заурядныхъ, оказывалась ненужною, иногда даже недоступною. Такъ, напримѣръ, Кеплеръ, повидимому, никакъ не могъ подняться на высоту анализа [1]). Но это нисколько не мѣшало ему сдѣлать такъ много для объясненія міра— въ сущности гораздо больше, чѣмъ сдѣлалъ Декартъ. Впрочемъ, даже и Декартъ не столько занимался геометрическими проблемами, какъ частными случаями, однимъ изъ приложеній болѣе общаго и отвлеченнаго понятія величины, сколько стремился понять и объяснить тѣлесный міръ просто геометрически, какъ движущуюся гео-

[1]) См. E. Cassirer: Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit, Band I, Berlin, 1906, стр. 282 и слѣд.

метрію. Истиннымъ считалось все очевидное. А очевидность понималась не только въ чисто логическомъ смыслѣ признанія извѣстныхъ сужденій истинными на основаніи правильнаго умозаключенія, но также, и притомъ по преимуществу, какъ созерцаніе, какъ воззрѣніе, какъ интуиція, конечно возможно болѣе чистая, какъ того требовала тогдашняя теорія познанія. Понятіе чистаго воззрѣнія, чистаго созерцанія (die reine Anschauung нѣмецкой философской терминологіи), которое играетъ такую крупную роль въ философіи естествознанія, только въ XVII вѣкѣ получило строго научный смыслъ и совершенно освободилось отъ того метафизическаго значенія, которое связывалось съ нимъ еще со временъ Платона. Математическое естествознаніе этого вѣка, особенно до появленія счисленія безконечно малыхъ величинъ, строилось не столько на анализѣ, сколько на воззрѣніи. Это отразилось и на мысляхъ соціальныхъ философовъ эпохи. Воззрительный, наглядный характеръ геометріи плѣнилъ Гоббеса. Въ своей полемикѣ съ Валисомъ онъ рѣшительно выступилъ противъ анализа, этой, какъ онъ энергично выразился, «чумы геометріи» [1]); онъ выступилъ за геометрію противъ алгебры. И въ этомъ отношеніи къ нему всецѣло примкнулъ Спиноза [2]).

Если такимъ образомъ естественная философія оказывалась, по выраженію Лейбница, не чѣмъ инымъ, какъ конкретною математикою [3]), если естествознаніе сводилось къ геометріи, если, какъ настаивалъ Гоббесъ, именно благодаря геометріи, новая наука такъ рѣзко отличалась отъ прежняго варварства [4]), то и новая наука о человѣкѣ и его обществѣ должна была тоже стать геометрическою наукою [5]), должна была войти въ ту

---

[1]) Vita carmine expessa, XCIV.

[2]) Cassirer, Band II, Berlin, 1907, стр. 24 и слѣд.

[3]) Physica vero in tantum intelligibilis redditur, in quantum reducitur ad Geometriam... Est enim philosophia naturalis nihil aliud quam mathematica ut ita dicam concreta seu in materia exercita (Schriften, herausgegeben von C. I. Gerhardt, I Band, 186—7).

[4]) Quicquid denique hodiernum tempus a prisca barbarie distinguit, totum fere beneficium est geometriae. Nam quod physicae debemus, id debet physica eidem geometriae (De Cive. Epistola dedicatoria).

[5]) См. тамъ же: Si philosophi morales munere suo pari felicitate functi esssent etc.

mathesis universalis, о которой такъ много мечтали теоретики XVII вѣка. Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ и насъ самихъ, утверждалъ Паскаль. Зато все, что не возвышается до геометріи, то, по господствовавшему убѣжденію, ниже насъ самихъ, ниже нашего ума и той науки, которой отъ него ожидали въ то время. Чтобы поднять науку о человѣкѣ и людяхъ на эту высоту, надлежало разсматривать людей какъ треугольники, круги и т. п. фигуры, а ихъ поступки— какъ холодъ, тепло и т. п. явленія природы [1]), надлежало, по аналогіи съ раціональною механикою, построить раціональную психологію и раціональную соціологію.

Задачею новой науки опредѣлялась ея метода, именно синтетическая метода, исходившая отъ принциповъ и выводившая изъ нихъ слѣдствія [2]) дедуктивнымъ путемъ. Дедукція при этомъ понималась уже не въ смыслѣ прежней, рѣшительно отвергавшейся [3]) формальной логики схоластиковъ, силлогизмы которыхъ вращались по преимуществу въ области школьной терминологіи безъ какой бы то ни было связи съ реальною дѣйствительностью и поэтому не давали реальнаго познанія. Она понималась въ новомъ, реальномъ смыслѣ, сущность котораго особенно удачно выразилъ учитель Пуффендорфа и Лейбница профессоръ математики въ Іенѣ Эргардъ Вейгель въ своей, къ сожалѣнію, совершенно забытой историками замѣчательной книгѣ: Analysis Aristotelica ex Euclide restituta (Ienae, 1658). Настоящая наука, объяснялъ Вейгель, занимается не словами, а вещами.

---

[1]) Спиноза, Ethica, III, Praefatio: et humanas actiones atque appetitus considerabo perinde, ac si quaestio de lineis, planis, aut de corporibus esset; Tractatus politicus, Cap. I, § IV: humanos affectus... non ut humanae naturae vitia, sed ut proprietates contemplatus sum, quae ad ipsam ita pertinent, ut ad naturam aëris aestus, frigus, tempestas, tonitru et alia hujusmodi.

[2]) Какъ объяснялъ Лейбницъ Synthesis autem est quando a principiis incipiendo componimus theorema ac problemata, quaecunque nobis offert ordo meditandi naturalis; Analysis vero est, quando conclusione aliqua data aut problemate proposito, quaerimus ejus principia quibus eam demonstremus aut solvamus (Schriften, Gerhard, I, 195).

[3]) Le pris garde—сообщаетъ Декартъ—que, pour la logique, ses syllogismes et la plupart de ses autres instructions servent plutôt à expliquer à autrui les choses qu'on sait, ou même, comme l'art de Lulle, à parler sans jugement de celles qu'on ignore, qu'à les apprendre (Discours de la méthode; deuxième partie). Ср. Паскаля: ce n'est pas barbara et baralipton qui forme le raisonnement.

Настоящая наука реальна или, что по его утвержденію равносильно, каузальна [1]). Ея задача—установить реальную необходимую причинную связь между вещами, причемъ эта связь понимается безъ какого бы то ни было антропоморфизма [2]). Такая связь существуетъ въ мірѣ. И благодаря этому міръ представляетъ объективную систему или реальный силлогизмъ [3]), существующій объективно, независимо отъ того, мыслимъ ли мы его или нѣтъ [4]). Такою связью вещей опредѣляется задача настоящей, реальной науки — именно воспроизведеніе этаго реальнаго силлогизма. Она должна быть демонстративною наукою, наукою, оперирующею умозаключеніями. Но это вовсе не значитъ, что она, по схоластической традиціи, умозаключаетъ отъ понятій къ понятіямъ или же просто отъ словъ къ словамъ. Это значитъ, что она путемъ доказательства устанавливаетъ причинную и притомъ естественно необходимую связь вещей [5]). Связь

---

[1]) Стр. 12: Unde scire proprie dicitus rem per causam cognoscere, et quod haec ejus rei causa sit, et quod se res aliter habere non possit. Стр. 51: Nihil enim ad causationem hanc realem et necessariam praestant intellectus operationes, termini significativi et orationes, quibus rerum habitudines enunciamus saltem et repraesentamus; sed res ipsae potius, quaelibet in suo genere, quatenus extra demonstrantis mentem inter se complexae quoad rem a se mutuo dependent.

[2]) Стр. 50: Causarum vocabulum his non sumi stricte, pro agente simplici, cui effectus simplex respondent, qualis est Architectus respectu domus quam aedificat, aut Nauclerus respectu motus Navis; sed aliquanto latius, pro Ente reali, et quidem necessario, quod se ipso posito quoad rem, necessario simul ponit habitudinem necessariam Effati demonstrativi, a se dependentis.

[3]) Стр. 126: Ipsa causae sum causato complexo cohaesio complexa Sillogismus realis est.

[4]) Стр. 146: Res per causam scibilis cum illa causa Syllogismo reali semper cohaeret, etiam nullo intellectu de eo cogitante. Стр. 11: Intelligitur omnem verum Sillogismum a parte rei spactatum, h. e. omne verum Syllogisatum tanquam Ens complexum, cohaerere quoad rem, ejusque terminos a se mutuo dependere, praecisa etiam omni mentis operatione.

[5]) Стр. 12: Demonstratio est certificatio, qua mens de proposita rerum habitudine per causam necessariam et huc semper directam, certa redditur, adeo ut sciat non tantum rem ita sese habere, sed et aliter se per naturam habere nequaquam posse. Стр. 7: Est autem Demonstrare uti penes omnes Mathematicos, ita cumprimis penes Euclidem nihil aliud, quam rerum propositarum certitudinem necessariam e certis principiis tanquam suis caussis... cognoscendam syllogistice deducere. Вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать Вейгелево утвержденіе scire est rem per demonstrationem cognoscere (стр. 124). Замѣтимъ кстати, что не одинъ Вейгель видѣлъ задачу и смыслъ умозаключенія и дедуктивной науки въ познаніи объективной причинности вещей. Спиноза понималъ логическую связь вещей въ мірѣ какъ seriem causarum (Tractatus de intellectus emendatione, стр. 33 т. I изданія I. von Vloten и I. P. N. Land, 1882 г.). Даже умозаключенія геометріи онъ

эта должна выступать ut digito quasi monstrata [1]). Образцомъ такой связи считалась геометрія. И сообразно съ этимъ Вейгель подражалъ Эвклиду, а Спиноза разсуждалъ ordine geometrico. Очевидно, такое пониманіе задачи и сущности дедуктивной, демонстративной методы существенно отличалось отъ демонстративной методы схоластиковъ. И поскольку она опиралась на Аристотеля, какъ это мы видимъ у Вейгеля, постольку она имѣла въ виду не Аристотеля среднихъ вѣковъ [2]), а новаго Аристотеля, котораго Вейгель однажды даже отождествилъ съ Эвклидомъ [3]). Вотъ почему никакъ нельзя согласиться съ извѣстнымъ изслѣдователемъ Спинозы Фрейденталемъ, который, въ своемъ стремленіи найти какъ можно больше прецедентовъ для его геометрической методы и тѣмъ дать ей историческое, генетическое оправданіе, связываетъ ее не только съ «Methodus inveniendi argumenta» Гейлинкса или съ «Отвѣтами на вторыя возраженія» Декарта, но вслѣдъ за Дильтеемъ [4]), также съ Гюберомъ Ланге (Languet), котораго оба все

понималъ какъ выводъ слѣдствій изъ причинъ. Поэтому утвержденіе Wahle, что «въ Спинозовой системѣ нѣтъ совсѣмъ причинъ» (Ueber die geometrische Methode des Spinoza. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Band 116, Wien, 1888, стр. 449) приходится признать или недоразумѣніемъ или такимъ же парадоксомъ, какъ утвержденіе того же автора, что Спиноза былъ «феноменалистъ à la Юмъ» (стр. 431). Отождествленіе умозаключенія съ каузальнымъ познаніемъ мы находимъ еще у Гоббеса (Computatio sive logica, Cap. I, § 2: Philosophia est Effectuum sive Phaenomenon ex conceptis eorum Causis seu Generationibus, et rursus Generationum quae esse possunt, ex cognitis effectibus per rectam ratiocinationem acquisita cognitio), у Пуффендорфа (De jure naturae et gentium libri octo. Londini Scanorum, 1672, Lib. I, Cap. II, § 2: Demonsrare igitur nobis est, rerum propositarum certitudinem necessariam e certis principiis tanquam suis causis indubitato cognoscendam syllogistice deducere) и у Лейбница (въ «Теодицеѣ», 44: j'appelle voir ce qu'on connoît a priori par les causes).

[1]) Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, стр. 3.

[2]) Стр. 9: Verum autem cum Aristotele nostro dico Syllogismum non tantum formaliter et notionaliter, sed praeprimis hic materialiter, eum, cujus omnes termini... in rerum natura revera cohaerent. Стр. 278: Est enim Analytica methodus apud Aristotelem via illa, qua rerum propositarum (non terminorum) habitudo necessaria (non definitio notionalis) ex suis causis necessariis (non ex conceptibilitatibus et notionibus logicis) eruta indubitato cognoscenda sistitur in scientiis (non nude apprehendenda sumitur in lexica.

[3]) Idea Matheseos universae, Ienae, 1669. Cap. VII, § 8, стр. 37: Euclidea, vel quod idem est Aristotelica, methodus.

[4]) Die Autonomie des Denkens, der konstruktive Rationalismus und der pantheistische Monismus nach ihrem Zusammenhang im 17 Jahrhundert (Archiv für Geschichte der Philosophie, Band VII, He t I, стр. 61).

еще считаютъ авторомъ трактата Vindiciae contra tyrannos и содержащихся въ немъ дедукцій, далѣе Henning'омъ въ его трактатѣ De lege naturae methodus apodictica (1562), нѣкоторыми схоластиками (Alanus ab Insalis, отчасти Дунсъ Скотъ) и даже съ Прокломъ въ его Institutio theologica [1]).

Для того, чтобы построить геометрическую науку о моральномъ мірѣ, надлежало возможно точнѣе подражать методѣ геометріи. Геометрія исходитъ изъ небольшого числа элементовъ, которые она стремится опредѣлить съ аксіоматическою точностью [2]). Значитъ, надлежало установить элементы личной и публичной жизни человѣка и опредѣлить ихъ съ совершенно такою же точностью. Основными элементами человѣческой природы были объявлены аффекты или страсти: consistit in passionibus bona pars condicionis humanae, et fere potissimum per illas homines sumus, объяснялъ, напримѣръ, Гейлинксъ [3]). Сообразно съ этимъ въ третьей части своей «Этики» Спиноза сдѣлалъ попытку свести все многообразіе душевныхъ актовъ и состояній къ возможно меньшему числу ясно, точно и опредѣленно установленныхъ аффектовъ. Аналогичную попытку сдѣлалъ и Гоббесъ въ книгѣ De homine. Такъ какъ человѣкъ живетъ не только индивидуальною жизнью, но и соціальною, въ средѣ себѣ подобныхъ, то, кромѣ геометрическаго ученія de homine, необходимо было геометрическое ученіе de cive, кромѣ раціональной психологіи,

---

[1]) См. Spinoza, sein Leben und seine Lehre, von I. Freudenthal, Erster Band: Das Leben Splnozas. Stuttgart, 1904, стр. 113 и 330.

[2]) Principiorum Geometriae tria genera erunt. Primum, in quo declaratur, seu imponitur nomen alicuius magnitudinis, habentis evidentem constructionem, aut manifestam passionem: Et vocatur Definitio. Secundum, in quo magnitudinis, cuius nomen impositum, et usu receptum est, exponitur aliqua evidens eius constructio: Et vocatur Petitio. Tertium, in quo magnitudinis, iam nominatae, exponitur evidens eius proprietas, aut aliqua manifesta eius passio: Et vocatur Dignitas, vel Axioma, aut Pronunciatum, sive communis notitia. Et quoniam huius modi principia demonstrari nequeunt, cum sint notissima; propterea tantummodo eorum catalogus in vestibulo huius scientiae apponetur, ut postea, demonstrative syllogizzando, ex eis deducantur veritates aliarum propositionum reconditarum (Euclides restitutus, sive prisca geometriae elementa, brevius, et facilius contexta, in quibus praecipue proportionum theoriae nova, firmiorique Methodo promuntur a Io. Alphonso Borellio, Pisis, 1658, стр. 2).

[3]) Ethica, Tractatus IV, De passionibus, § 1. Opera philosophica, Recognovit I. P. N. Land, Volumen III, стр. 105.

необходима была еще раціональная соціологія или, какъ ее тогда называли гражданская философія (philosophia civilis), аналогичная естественной философіи (philosophia naturalis); что за естественная философія имѣлась при этомъ евиду, видно изъ того, что Ньютонъ озаглавилъ свое знаменитое твореніе: Philosophiae naturalis principia mathematica. Основнымъ элементомъ этой новой соціальной науки былъ объявленъ человѣкъ въ естественномъ состояніи, т. е. человѣкъ, какъ онъ есть, поскольку его поступки вытекаютъ изъ свойствъ его природы. Природу такого человѣка опредѣляли или въ томъ смыслѣ, что онъ тяготѣетъ къ другимъ людямъ, притягивается къ нимъ (Гроціи, Кумберландъ), или же, напротивъ, что онъ отталкивается отъ нихъ (Гоббесъ, Спиноза). Въ обоихъ случаяхъ аналогія съ физическими представленіями очевидна, какъ очевидна она въ примѣненіи Гоббесомъ къ человѣческимъ аффектамъ игравшаго такую крупную роль въ тогдашней философіи естествознанія понятія conatus [1]) или же въ подчеркиваніи Спинозою стремленія людей къ самосохраненію, стремленія suum esse conservare, in suo esse perseverare [2]), стремленія, долженствовавшаго соотвѣтствовать физической инерціи.

Реформаторы моральной и соціальной философіи въ XVII вѣкѣ придавали громадное значеніе своимъ опредѣленіямъ человѣческой природы и человѣческихъ аффектовъ. И методологически они были правы. Отъ успѣха или неуспѣха этой основной части ихъ программы зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ всей ихъ программы вообще. Вѣдь они хотѣли построить психологическую и соціологическую аналогію механики. Механика же—наука раціональная, демонстративная. Въ такой наукѣ опредѣленіе—это все. Въ раціональной наукѣ, какъ понималъ уже Николай Кузанскій, definitio scire facit [3]). Какъ объяснялъ въ XVII вѣкѣ Гейлинксъ, scire est per Definitionem cognoscere... Itaque Definitio totum humanum

---

[1]) Leviathan, Cap. VI: Conatus hic, quando fit versus causam suam, vocatur appetitus vel cupido... Quand autem conatus est recedendi a re aliqua, tunc vocatur aversio.

[2]) Ethica III, Propositio VII.

[3]) De venatione sapientiae, Cap. XIV. Opera, Basileae, 1565, стр. 308.

scire complectitur [1]). Доказательство, т. е. самое могущественное методическое орудіе обновленнаго знанія, Лейбницъ опредѣлялъ, какъ цѣпь опредѣленій: est enim Demonstratio nil nisi catena definitionum [2]). Если бы опредѣленія моральныхъ и соціальныхъ философовъ XVII вѣка удались и если бы они дѣйствительно передавали внутреннюю сущность вещей, какъ требовалъ и ожидалъ Спиноза [3]), то мы обладали бы раціональною психологіею и раціональною соціологіею, по точности и достовѣрности не уступающими раціональной механикѣ. Но они не удались. Они по большей части сводились къ схоластикѣ и тавтологіи, нерѣдко способной вызвать улыбку у читателей [4]). Это была очень крупная неудача—одна изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи наукъ. Неудача означала невозможность или, по крайней мѣрѣ, неумѣніе сдѣлать изъ науки о человѣкѣ и его обществѣ науку самаго высокаго въ методологическомъ отношеніи типа, именно раціональнаго. Благодаря историческому духу, господствующему за немногими исключеніями во всѣхъ отрасляхъ обществовѣдѣнія съ начала XIX вѣка, нынѣ почти совсѣмъ утрачена вѣра въ науку такого типа: большинство теоретиковъ отступило назадъ, вернулось отъ высшаго и болѣе совершеннаго методологически, именно раціональнаго типа науки къ низшему, конкретно-эмпирическому типу, въ своихъ научныхъ стремленіяхъ не поднимаясь выше средняго, абстрактнаго типа науки. Повидимому, такое отступленіе было вполнѣ умѣстно и благоразумно. Но это нисколько не значитъ, что правы тѣ новѣйшіе обществовѣды, которые съ высоты своего методологическаго паденія презрительно отзываются о неудавшихся попыткахъ титановъ XVII вѣка овладѣть вершинами знанія и пониманія. Такое отношеніе тѣмъ менѣе можетъ быть оправдано, что ихъ мечта, именно моральная и соціаль-

[1]) Logica fundamentis suis, a quibus hactenus collapsa fuerat, restituta. Pars IV, Sectio I, Cap. III. Opera, I, 398.

[2]) Die philosophischen Schriften, herausgegeben von C. I. Gerhardt, томъ I, 174.

[3]) Definitio, ut dicatur perfecta, debebit intimam essentiam rei explicare (Tractatus de intellectus emendatione, стр. 31 приведеннаго выше изданія).

[4]) См., напримѣръ, опредѣленія честолюбія, скупости и пьянства у Спинозы (Ethica, II, Definitiones XLIV, XLVI, XLVII).

ная механика, раздѣляется множествомъ обществовѣдовъ и донынѣ, съ тою невыгодною разницею, что они надѣются осуществить ее при посредствѣ исторіи и т. п. средствъ, полезныхъ для эмпирическаго и абстрактнаго познанія человѣческаго міра, но еще менѣе способныхъ создать дѣйствительно аналогичное механикѣ знаніе, чѣмъ раціоналистическіе пріемы теоретиковъ XVII вѣка.

Неудача этихъ теоретиковъ была вызвана не ошибочностью ихъ методы, а своеобразіемъ тѣхъ объектовъ, къ которымъ они стремились ее примѣнить. Геометрическая метода предполагаетъ не только извѣстные формально-логическіе пріемы, но также и извѣстные матеріальныя условія. Она не исчерпывается однимъ логическимъ процессомъ дедукціи и доказательства, т. е. вывода однихъ истинъ изъ другихъ истинъ. Она неразрывно связана съ наличностью линій, фигуръ, пространственныхъ тѣлъ и т. п. элементовъ. Эти элементы обладаютъ совершенно опредѣленными свойствами—воззрительностью, дѣлимостью и т. п. Все это такія свойства, которыми по самому своему существу не обладаютъ душевные, моральные или соціальные акты. Человѣкъ, какъ существо психическое и моральное, есть существо совсѣмъ иного порядка, чѣмъ пространственная фигура, тѣло или атомъ. Какъ бы ни подлежала его физическая природа математическому анализу и геометрическому воззрѣнію, его психическая и моральная природа уже ускользаетъ отъ этого. Она не можетъ быть разложена на элементы, аналогичные геометрическимъ. Недаромъ Декартъ, необыкновенно чуткій ко всему, что касалось математики, упорно и подъ всевозможными предлогами отказывался отъ изслѣдованія моральныхъ и соціальныхъ проблемъ въ духѣ провозглашенной имъ matheseos universalis.

Смѣло и широко задуманное приложеніе геометрической методы къ человѣческому міру при попыткахъ его осуществить на дѣлѣ привело, особенно у эпигоновъ, къ полусхоластической систематизаціи, къ схематизаціи эмпирическихъ фактовъ, болѣе или менѣе банальной по содержанію [1]), ничего въ сущности не доказывавшей—

[1]) Очень мѣткую ея критику далъ Шиллеръ въ своемъ стихотвореніи Die Weltweisen.

nil probat, qui nimium probat,—а съ моральной стороны вызывавшей упрекъ въ томъ, что она смѣшиваетъ должное съ сущимъ и притомъ такъ, что сущее разсматривалось какъ должное, какъ нравственно истинное, болѣе того, какъ вѣчно и неизбѣжно истинное, по аналогіи съ неподвижностью геометрически истиннаго.

Однако толчокъ, данный научной мысли реформаторами моральной и соціальной философіи въ XVII вѣкѣ, привелъ не только къ схоластическимъ построеніямъ Вольфа и родственныхъ ему натуръ. Онъ привелъ и къ болѣе плодотворнымъ въ научномъ отношеніи результатамъ.

Научнымъ послѣдствіемъ идеи соціальной физики было прежде всего ученіе объ общественномъ договорѣ. На ученіе это часто принято смотрѣть какъ на образецъ научной нелѣпости. Оно дѣйствительно нелѣпо, если его разсматривать и судить исключительно съ точки зрѣнія новѣйшаго историзма. Можно ли документально установить фактъ и дату будто бы происшедшихъ нѣкогда свободныхъ соглашеній, учреждавшихъ общество и власть? Оказывается, что нельзя. Значитъ, такихъ соглашеній никогда и нигдѣ не было. Мало того, какъ выяснили историческія изслѣдованія, такихъ соглашеній и не могло быть: чѣмъ дальше мы проникаемъ въ глубь исторіи, тѣмъ больше убываетъ сознательность, планомѣрность, искуственная организованность совмѣстной жизни людей, тѣмъ болѣе возрастаетъ ея стихійность и безсознательность. Далѣе, наши изслѣдованія никогда не могутъ дойти до такого момента, когда у людей не было общества, хотя бы самаго элементарнаго. Поэтому мы отказываемся утверждать, что тогда-то, «сначала» не было обществъ, а потомъ они возникли тѣмъ или инымъ путемъ. Общество, общежитіе дано намъ всегда. И мы слѣдимъ только за тѣмъ, какъ на протяженіи вѣковъ и въ связи съ тѣми или иными физическими, психическими или моральными условіями видоизмѣняются или эволюціонируютъ разныя формы общественности. Такова наша современная историческая точка зрѣнія. Но совсѣмъ не такова была точка зрѣнія обществовѣдовъ XVII вѣка. И если имѣть ее ввиду, то ихъ ученіе

окажется далеко не нелѣпымъ. Они жили въ такую эпоху, когда изучали не эволюцію міра, не то, что было прежде, а то, что всегда есть. Сообразно съ этимъ они стремились понять неизмѣнную сущность гражданскаго общества, его, такъ сказать, статику. На тѣхъ индивидовъ, которые, по ихъ ученію, путемъ договора образуютъ такое общество, они смотрѣли не какъ на историческихъ или доисторическихъ, когда-то жившихъ въ дѣйствительности людей, людей каменнаго или бронзоваго вѣка, а какъ на составные элементы государства, подобно тому какъ колеса образуютъ составные элементы часового механизма [1]). Договорное объясненіе сущности общества и отношеній между его членами представляло не что иное, какъ юридическую соціологію, одну изъ первыхъ попытокъ по возможности ясно и точно рѣшить проблему соціальной статики. Что именно такое юридическое рѣшеніе соціологической проблемы не только имѣетъ право на существованіе (хотя оно конечно далеко не исчерпываетъ всей проблемы), но даже представляетъ одно изъ ея необходимыхъ рѣшеній, видно хотя бы изъ того, что обществовѣды XIX вѣка послѣ скитаній во всевозможныхъ направленіяхъ, не исключая и дебрей метафизики, въ поискахъ за истинною сущностью общества, т. е. организованнаго человѣческаго общежитія, все чаще и чаще возвращаются къ идеѣ общественнаго договора. Очень характерны въ этомъ отношеніи хотя бы мысли Фулье [2]), отчасти Тённіеса [3]) и въ особенности новѣйшая доктрина «солидарности», разсматривающая общество, какъ систему взаимныхъ правъ и обязанностей, возникающихъ ex quasi—contractu [4]).

Кромѣ теоріи общественнаго договора, этой юридической соціологіи, идея соціальной физики получила частичную реализацію въ статистикѣ, этой покоящейся

---

[1]) Такъ именно объяснялъ свою методологію Гоббесъ. См. De cive. Epistola dedicatoria.

[2]) См, его теорію «договорнаго организма» въ книгѣ La science sociale contemporaine.

[3]) Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig, 1887.

[4]) См., напримѣръ, Léon Bourgeois, Solidarité, deuxième édition, Paris, 1896, стр. 138: le quasi-contrat d'association qui lie tous les hommes.

исторіи, также изображающей въ извѣстномъ смыслѣ соціальную статику. Оказалось возможнымъ примѣнить къ движенію населенія если не геометрическую методу, то по крайней мѣрѣ счетъ съ приложеніемъ счисленія вѣроятностей. Первыя попытки такой именно постановки статистическаго дѣла принадлежатъ людямъ XVII вѣка— Петти, астроному Галлею и Бернулли.

Наконецъ, въ XVII же вѣкѣ выяснилась одна, такъ сказать, quasi—механическая область человѣческихъ отношеній, именно область экономическихъ цѣнностей. Въ ней мѣриломъ всего является нѣчто, подлежащее дѣленію и счету, именно деньги [1]). Человѣкъ, трудъ котораго входитъ въ созданіе цѣнностей, учитывается при этомъ не какъ моральное лицо, а просто какъ орудіе [2]), какъ извѣстная сумма рабочей энергіи, съ чисто экономической точки зрѣнія совершенно равноцѣнной лошадинымъ силамъ или же энергіи, могущей быть извлеченной изъ каменнаго угля. Съ точки зрѣнія морали такое отношеніе къ человѣку можетъ, конечно, вызвать много возраженій. Но съ точки зрѣнія механики экономической жизни оно отчасти соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, отчасти же облегчаетъ математическую постановку проблемы. Уже въ XVII вѣкѣ обмѣнъ цѣнностей и особенно денежный оборотъ понимали какъ естественный процессъ [3]). Гоббесъ уподоблялъ его кро-

---

[1]) Пуффендорфъ, De jure naturae et gentium, Lib. V, Cap. I, § 15: Nummus... mensura pretii aliarum rerum. Спиноза, Ethica, IV, Appendix, Cap. XXVIII: Verum omnium rerum compendium pecunia attulit. Лейбницъ: Pecunia est materia pretii noti apta ad aliarum rerum pretia, ad exiguas usque partes, mensuranda (Opuscules et fragments inédits de Leibniz, par L. Couturat, Paris, 1903, стр. 469). Конрингъ, De commerciis et mercatura, XII (Opera, IV, Brunsvigae, 1730, стр. 852): Nummus est medium generale, quo res permutandas per se et sua nature in aequales metimur, eique debitam aequalitatem impartimur. Онъ же, De re nummaria in republica quavis recte constituenda (тамъ же. стр. 732): Verus perfectusque nummus is demum est, qui potest esse omnia. Э. Вейгель, Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit von Personen und Sachen Worauf das gemeine Wesen bestehet, Nach der Pythagoreischen Creutz-Zahl in lauter tetractysche Glieder eingetheilet, Iena, 1674, стр. 133; глава XVIII этой книги, озаглавленная Von der Geltung und dem Werth, содержитъ implicite едва ли не всѣ теоріи цѣнности нашей современности.

[2]) Servi—объяснялъ Лейбницъ—sunt instrumenta rationalia, et tamen possent ad oeconomicam referri, quatenus animalibus comparantur (Opuscules et fragments etc., стр. 527).

[3]) Уже Гуго Гроцій училъ pecuniam naturaliter functionem recipere (De jure belli ac pacis, Lib. II, Cap. XII, § XVII).

вообращенію. И въ этомъ механическомъ смыслѣ онъ называлъ деньги «публичною кровью» [1]).

Что же касается, наконецъ, главной научной мечты реформаторовъ обществовѣдѣнія въ XVII вѣкѣ, именно проблемы универсальной физики, которая сводила бы все многообразіе общественной жизни людей къ чему-то въ родѣ Ньютонова тяготѣнія, то ей суждено было возродиться въ началѣ XIX вѣка въ формѣ соціологической проблемы, какъ ее сформулировалъ основатель позитивизма Огюстъ Контъ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

[1]) Moneta... est quasi Civitatis sanguis. Publici hujus sanguinis ductus duplex est... Atque in hoc... apparet similitudo cum Naturali (Leviathan, Cap. XXIV).